УДК 378 + 81'11

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного *

Б. Петерс

*Австралийский национальный университет
Канберра, Австралия*

*Гриффитский университет
Брисбен, Австралия*

Перевод с французского А. Ф. Фефелова

Аннотация

Анализируемые в данной статье культурные стереотипы служат отправной точкой для разработки методики, позволяющей доказать реальность существования во французской лингвокультуре особого подхода к формулированию своей позиции, что дает право отнести его к [обыденным] культурным ценностям. Авторская методика целиком базируется на принципах прикладной этнолингвистики, которая представляет собой комплекс лингвокультурных процедур, называемых протоколами. Они ориентированы на достаточно продвинутый уровень изучающих иностранный язык, что позволяет им эффективно использовать различные языковые ресурсы, чтобы самостоятельно найти в них различные *культурные ценности*, связанные с изучаемой лингвокультурой. Реальность таких ценностей всегда более-менее гипотетична и потому требует подтверждения, чтобы стать объективной данностью. С этой целью разработан специальный протокол; в этой статье описан способ его надлежащего применения. Культурная ценность, описываемая словами «формулирование своей позиции / выражение своего мнения», раскрывается с помощью особого сценария, называемого (методико-)педагогическим. Этот сценарий представлен средствами *французского минимального* – французской версии универсального естественного семантического языка. Определяются границы объективности и надежности полученных студентами выводов: они являются, в конечном счете, результатом неизбежного обобщения, обязательного отвлечения от конкретных лингвокультурных ситуаций, которые всегда асимметричны и гетерогенны.

Ключевые слова

прикладная этнолингвистика, культурные ценности, культурные стереотипы, французский как иностранный, выражение своего мнения

Для цитирования

Петерс Б. Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

---

* Перевод осуществлен по публикации: Bert Peeters. Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE. Le cas de l'ethnolinguistique appliquée. DIRE n°9 | 2017 : *La stéréotypie des altérités : clichés, formules, langue de bois, lieux communs*. <http://epublications.unilim.fr/revues/dire> – ISSN 2260-1155. Published under a creative commons licence. Creative Commons Attribution – Pas d'Utilisation Commerciale – Pas de Modification 4.0 (CC BY-NC-ND 4.0).

Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom *

Bert Peeters

Australian National University
Canberra, Australia

Griffith University
Brisbane, Australia

Abstract

The stereotypes envisaged in this paper serve as a starting point for a research protocol aimed at corroborating the reality, in French languaculture, of the cultural value of stance-taking. The protocol adopted here is part of a research paradigm called applied ethnolinguistics, elaborated for use with and by foreign language students whose linguistic competence is sufficiently advanced to enable them to use their language resources to discover, through essentially (but not uniquely) linguistic means, the cultural values typically associated with the languaculture they study. Since the posited values are hypothetical, corroboration will be required. A specific protocol (the one illustrated here) has been set aside for this purpose. The cultural value of stance-taking will be presented in the form of a pedagogical script expressed in *minimal French*, a descriptive tool based on the French version of the natural semantic metalanguage. Precautions are taken to ensure that end-users of such scenarios are aware that they are dealing with generalisations (which are unavoidable as languacultures are never homogeneous).

Keywords

applied ethnolinguistics, cultural values, stereotypes, L2 French, stance taking

For citation

Peeters, Bert. Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

Краткое предисловие переводчика

Цель данного перевода больше, чем просто переложить содержание статьи на актуальную межкультурную и потому сопоставительную тему с основного для статьи французского и дополнительного английского языков на русский. Журнал, объявляя публикацию серии статей Берта Петерса в 4-м номере за 2019 г., планирует привлечь внимание к проблеме, если не стандартизации, то хотя бы некоторой гармонизации терминологии в области лингвокультуры, называемой в иных странах и Linguoculturology, и Cultural Linguistics. Именно по этой причине метод семантизации терминов и слов, обладающих определенной значимостью («ценностью») в сопоставляемых или контактирующих культурах, реализован на базе несколько экспериментального подхода А. Ф. Лосева (см.: «Бытие. Имя. Космос». М., Изд-во «Мысль», 1993. С. 527–528, примеч. 212), что предполагает использование терминологических вариантов и смысловых связей «от переводчика» в квадратных скобках в самом тексте. При этом подразумевается не только текст от автора, но и текст его «свидетельств», т. е. анализируемый материал статьи, взятый из различных источников, в том числе художественных. Иная, более привычная стратегия реализована О. Н. Дубровской в переводе другой статьи этого же голландского по своим ономастическим корням автора (но ставшего Питерсом), опубликованной в журнале «Жанры речи» (2017. № 1 (15). С. 37–50). В терминах Ю. Найды ее перевод можно определить как ближайший естественный.

Следует также отметить, что статья опубликована в «новой» французской орфографии от 1991 г., почти повсеместно и дружно саботируемой, особенно во Франции (см., например, Фефелов А. Ф. Грамматический аспект орфографических новаций в современном французском языке // Теоретические и методические аспекты прагматики: Сб. науч.-метод. тр. / Под

* Translated from: Bert Peeters. Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE. Le cas de l'ethnolinguistique appliquée. DIRE n°9 | 2017 : *La stéréotypie des altérités : clichés, formules, langue de bois, lieux communs*. <http://epublications.unilim.fr/revues/dire> – ISSN 2260-1155.

ред. Т. А. Перминовой; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 58–68. Что касается «атмосферы» вокруг реформы орфографии, то см.: *Фефелов А. Ф.* Защитники языка и лингвистическая наука // *Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах: Сб. науч.-метод. тр.* / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 67–78). Ее следы видны в ряде цитируемых французских свидетельств, и эти орфографические раритеты не являются ошибками.

I. Нужно ли опасаться стереотипов?

«Поосторожнее со стереотипами!», «Я вам больше скажу – не следует доверяться стереотипам!» Таково на первый взгляд мудрое предостережение, которым многие спешат поделиться и там и сям, вопреки позиции двух авторитетнейших бельгийских литературных деятелей Дюпона и Дю Пона¹, никогда не бравших на себя роль советчиков.

На страницах газет: «Вы еще молоды, будьте открыты! Учитесь познавать мир, других людей, их культуры, но не доверяйтесь расхожим стереотипам. Расизм начинается с них!» (Из выступления одного писателя перед учащимися коллежа в Либурне, деп. Жиронда. См. *Sud Ouest*, 22 mars 2011).

В воспоминаниях и мемуарах: «Самым открытым в этой семейной паре был якобы человек из северной Франции. Самой закрытой – женщина из южной Франции, гасконка. Не верьте, это стереотип» («Лионель о семье Жоспен» = *Lionel raconte Jospin* Paris, Seuil, 2010, p. 17)².

В книгах для бизнесменов: «Не доверяйтесь этим стереотипам. На самом деле, есть индонезийцы, отличающиеся маниакальной точностью, и неординарные японцы-экстраверты (хоть в это и трудно поверить) (Bruno Marion, «Как вести успешный бизнес с азиатами», Paris, Eyrolles, 2012, p. 29).

В соцсетях: «Если вы думаете, что вы, живущие здесь, лучше, чем они, живущие вон там, то это стереотип, который вводит вас в заблуждение» (*Viadeo*, 27 avril 2012).

В блогах: «Ни в чем не полагайтесь на расхожие или общепринятые мнения, остерегайтесь стереотипов и всевозможных догм (как политических, так и религиозных), все проверяйте и сверяйте (и не доверяйте это дело журналистам и, тем более, политикам) (<<http://amvdd.fr/php/blog.php?article=63>>, consulté le 23 aout 2016).

На интернет-форумах: «Нет, я как раз хотел сказать, что стереотипам доверяться не стоит, что не все евреи ювелиры или банкиры, что есть бельгийцы, которые не любят картошку-фри, и итальянцы, которые не едят макароны³...» (<<http://www.forum-religions.com/t57-juifs-messianique>>, consulté le 23 aout 2016).

Во всех этих призывах не доверять и не доверяться, приведенных выше, фигурируют стереотипы одного и того же типа, обозначенные у Шапира (Schapira, 1999, p. 1) и ранее у Гулиха (Gulich, 1981, pp. 344–345) как стереотипы мышления (*stéréotypes de pensée*)^{4 (1)}. Они дефинируются следующим образом: «...способы фиксации различных верований, убеждений, общеизвестных мнений, предрассудков и даже суеверий, принятые в данном языковом сообществе», функция которых состоит в том, они «формируют совокупный образ членов дан-

¹ В оригинале чуть иначе: Dupond и Dupont с **одинаковым** произношением, что и нужно показать в переводе. Два героя бельгийского сериала комиксов *Les Aventures de Tintin*, созданные художником Hergé. – *Примеч. пер.*

² То есть Лионель Жоспен (Lionel Jospin), видный французский государственный деятель о себе и своей семье. – *Примеч. пер.*

³ Одна из французских дразнилок итальянцев (в классическом переводе) – макаронники, а не спагеттники. – *Примеч. пер.*

^{4 (1)} См. по этому вопросу Kauffer (2011). (Второй номер сноски в скобках здесь и далее указывает на порядковый номер сноски в оригинале статьи.)

ного сообщества и их представления о тех, кто к ним не относится» (цит. по: Amossy & Herschberg Pierrot, 2015, pp. 31–32). На этом основании они относятся к объекту исследования как социологии, так и другой, близкой к ней дисциплины, – социальной психологии. Последняя изучает, в частности, как и в какой степени «эти устойчивые коллективные представления обуславливают наше восприятие [социальной] ⁵ реальности и ее интерпретации» (Galatanu & Gouvard, 1999, p. 3). Почти во всех этих случаях мы имеем дело со стереотипами, называемыми «этническими».

Среди стереотипов мышления есть категория таких, которые имеют и «вербальную форму фиксации», что и позволяет обозначить их как языковые или лингвистические стереотипы. Они представляют собой «устойчивые иногда спаянные словосочетания, состоящие из двух и более слов, образующие синтагматические единства и даже [цельнооформленные] предложения» (Scharif, 1999, p. 2). Примером тому служат клише, афоризмы, лозунги, [знаменитые] цитаты, речевые формулы, пословицы, поговорки, и этот список можно легко продолжить.

Во многих случаях к таким стереотипам языка, как и к стереотипам мышления в целом, нужно, вне всяких сомнений, относиться с осторожностью. Но разве можно усомниться в обоснованности такого популярного речения, как «Да, это мое мнение, и я готов его отстаивать»? Или таких общеизвестных пословиц, как «Сколько голов, столько умов»? ⁶ Есть и еще один момент. Если стереотипные суждения не заслуживают ничего, кроме недоверия и опасений, то почему наши высокоуважаемые коллеги-лингвисты рискнули выстроить на их основании целую теорию? Пусть пишут о них, исследуют, объясняют механизм их функционирования в речи, но можно ли воздвигать целую научную конструкцию на столь ненадежном фундаменте?

Оказывается, можно ^{7 (2)}. Но, пожалуй, самый яркий пример тому мы находим в лице польского лингвиста Ежи Бартминьского, основателя Люблинской школы этнолингвистики. Его труды долго оставались недоступными «западной» лингвистике лишь потому, что были написаны на польском языке и были переведены на английский (см. Bartmiński, 2009) относительно недавно, оформившись в виде *когнитивной этнолингвистики*. Коллеги и ученики польского лингвиста по-прежнему издаются, в основном, на польском, хотя некоторые из них стали писать статьи и на английском. Название дисциплины связано с тем, что исследуемые стереотипы (извлекаемые из сознания) эксплицируются с помощью особого типа дефиниций, называемых когнитивными (Bartmiński, 2013), что дает возможность лучше, как они полагают, понять польскую народную культуру и хранимые в ней ценности. В трудах, опубликованных в 2009 г., Бартминьский сам употребляет термин польские стереотипы в связи с исследованием таких понятий [концептов], как *мать*, *дом*, *Родина...* и *немцы*, и это дало ему возможность получить интересные выводы о польской языковой картине мира (*l'image linguistique polonaise du monde*) ⁸.

⁵ Первое появление квадратных скобок. Функция дополнений здесь и далее состоит в том, чтобы максимально полно раскрыть предметный и культурный контекст цитируемого высказывания – имеется в виду не вся и не любая реальность. – *Примеч. пер.*

⁶ В оригинале не умов, а мнений (*avis*). Это ключевое для статьи слово приходится менять. – *Примеч. пер.*

^{7 (2)} На основе идей американского философа Хилари Патнем (см., в частности, Putnam, 1990, 1994) и независимо от исследований школы Бартминьского во французской лингвистике, благодаря Жану-Клоду Ансcombe и Освальду Дюкро (Jean-Claude Anscombe и Oswald Ducrot), появилось научное направление, называемое *аргументативной семантикой* (*sémantique argumentative*), в котором понятие «стереотип» получило оригинальную теоретическую разработку, похоже вообще не связанную с понятиями «языковой стереотип» и «стереотип мышления». Это нисколько не унижает достоинств данного подхода, получившего развитие в ряде теоретических моделей, из числа которых стоит упомянуть семантику потенциальных аргументативов Ольги Галатану (*Sémantique des Possibles Argumentatifs*), относительно полное изложение принципов которой см. в (Galatanu, Olga. 2009).

⁸ На русском, именно в языковой картине, реконструируемой через языковое сознание, а не лингвистической, которая является продуктом научной лингвистики. – *Примеч. пер.*

II. Внутренние и внешние свидетельства, они же – полезные стереотипы

Вникая в содержание подходов Бартминьского, автор оригинала в полной мере понял восторг господина Журдена, поскольку осознал вдруг, что в течение нескольких лет он сам тоже имел дело с этническими стереотипами^{9 (3)} всякий раз, когда ему требовалось постулировать собственные гипотезы о существовании культурных ценностей в [культурной] реальности, или же подтвердить существование таковых, но выдвинутых другими исследователями. Отличие состояло только в том, что в своих рассуждениях он называл их по-другому: «внутренние» и «внешние» свидетельства. Так, в своем исследовании ценности [т. е. значимости] для французской культуры понятия *недоверия, сомнения* (*méfiance*) он [т. е. я] отталкивался от одного врезавшегося ему в память наблюдения майора Томпсона, ставшего *alter ego* французского писателя Пьера Даниноса (Pierre Daninos), согласно которому француз «с недоверием приходит в этот мир, не может избавиться от этого чувства, ни пока взрослеет, ни когда женится, ни на чиновничьей службе; и даже отправляясь на тот свет, он опасается какого-то подвоха, поскольку, пытаясь неоднократно преодолеть свою недоверчивость по примеру тех трусишек, у которых время от времени случаются приступы безумной храбрости, он неизменно становится жертвой своего внезапно нахлынувшего позыва доверчивости»¹⁰. Его осенило, что это ведь и есть *автостереотип*, т. е. образ самого себя или, другими словами, внутреннее свидетельство, которое, однако, подано и явлено как *гетеростереотип*, т. е. как образ другого, как внешнее свидетельство. Ранее эта связь, увы, прошла мимо авторского внимания Петерса (см. 2013а)... Еще в одной статье автора сей статьи (Peeters, 2015a) анализируется значимость для французской культуры [букв. *valeur culturelle française*] умения выкрутиться из затруднительной ситуации, обозначаемого словом *débrouille*, в связи с чем цитируется одно тонкое наблюдение члена Французской академии Бертрана Пуаро-Дельпеша¹¹ (Bertrand Poirot-Delpech), содержание которого таково: «Вам нужен пример крестина? Так, далеко ходить не надо – это бельгиец, все знают. Француз, он такой... Всегда сумеет вывернуться и выкрутиться... Грех называть такого хитрилу крестином. [Ферштейн?]».

В этом стереотипе реализуется [двучленное бинарное] противопоставление французов и бельгийцев, и потому его можно обоснованно отнести к разряду *биполярных*. В третьей моей статье (Peeters, 2013b) анализируется феномен французского *бухтения и ворчанья* (букв. *râlage*)¹², и потому в ней приводится множество примеров на эту тему («*Les Français sont des râleurs*», «*La France, une nation de râleurs*» и т. п.), что позволяет выйти на тему значимости для французской бытовой культуры [снова от букв. французская культурная ценность] понятия «дух противоречия, несогласия» (*l'esprit de contestation*). Люди, хорошо знающие Францию и французов, вполне понимают, о чем идет речь, но в условиях обучения за границей требуется проводить своеобразное исследование, поскольку в учебниках по французскому языку такие вопросы не затрагиваются.

^{9 (3)} Работы Васюты (Wasiuta, 2008) и Небшеговской-Бартминьской (Niebrzegowska-Bartmińska, 2013) позволяют составить более полное представление о ней. Глава 5 книги Бартминьского (2009) – это перевод на английский язык старой польской версии статьи, опубликованной в 1985 г., что несколько снижает ее информативную ценность и актуальность.

¹⁰ В замечательном переводе с французского Р. Захарьян и Г. Сафроновой («Записки майора Томпсона». М.: Изд-во «Прогресс», 1970) этот пассаж находится в начале главы 2: Чудесная страна недоверчивости... и легковерия. К сожалению, в моей копии PDF страницы не указаны. Начало предложения в оригинале статьи опущено, поскольку оно никак не связано с темой недоверия. – *Примеч. пер.*

¹¹ У него их гораздо больше, конечно. – *Примеч. пер.*

¹² Предлагая соответствие *ворчанье*, русские словари не справляются с этим словом. Оно не чуждо, конечно, семантической структуре данного концепта (или культурного феномена, называемого автором ценностью). Но форма его проявления нарочито, даже преувеличенно экспрессивна, и поэтому для адекватной передачи лучше использовать глаголы и глагольные речения: *бухтеть, спорить по поводу и без, драть глотку, качать права*. К тому же надо напомнить о существовании почти полного лингвокультурного французского синонима *rous-péter*, неупоминаемого в статье. – *Примеч. пер.*

Можно ли использовать в целях изучения иностранного языка ту разновидность стереотипов, которая выше была задана рядом примеров? Вне всяких сомнений. Должны ли мы заниматься этим? Да. Цель состоит в том, чтобы заполнить, худо-бедно, ту лакуну, которая уже многократно, но всякий раз безрезультатно обозначалась в специальной литературе (см., например, Fernández, 2016, p. 195). В учебниках по французскому языку приоритет отдается Культуре с большой буквы (т. е. высокой культуре); особенно тем ее областям, которые связаны с национальными традициями, историей, гастрономией, [классической] литературой, [классической] музыкой, искусством и другими «высокими сферами» (ср. Wang, 2010, p. 183); ну и, естественно, четырем базовым видам речевой деятельности с добавлением к ним грамматики и, иногда, практики перевода (Fernández, 2016, p. 191). Но в них не уделяется особого внимания проблематике культурных ценностей (*valeurs culturelles*)¹³. Культурой «с маленькой буквы», реализующейся в «поведенческих моделях, ценностях и убеждениях, жизненных установках, которые определяют ход жизни, как отдельного человека, так и культурного сообщества в целом» (Arismendi Gómez, 2014, p. 366), «связанной по преимуществу с коммуникативными компетенциями говорящих» и их обыденной жизнью (Wang, 2010, p. 183), эти учебники пренебрегают. Большинство преподавателей французского языка следуют их примеру и ориентируются исключительно на высокую культуру, Культуру с заглавной буквы. Обратная сторона такой ориентации состоит в том, что студенты не имеют возможности получить представление о реальных культурных нормах [букв. = ценностях, *valeurs*] той или иной лингвокультуры. Их знание рискует остаться не более чем поверхностным даже по окончании полного цикла изучения иностранного языка в государственных учебных заведениях. В качестве решения для преодоления указанного недостатка в свое время было уже предложено целенаправленно разрабатывать прикладную этнолингвистику (Peeters, 2013с, 2016), первый набросок которой появился онлайн на английском языке (Peeters, 2009) в то же время, что и английский перевод текстов Бартминьского. Обе этнолингвистики, и когнитивная, и прикладная, возникли и развивались независимо друг от друга, но их сблизило не только название, но и нечто более важное, а именно глубинная философия и той, и другой. Среди отличий следует указать на дидактическое предназначение прикладной этнолингвистики и ее специфический метаязык, особенности которого мы кратко раскроем в следующем разделе.

III. Базовые принципы прикладной этнолингвистики

В основание представляемой далее прикладной этнолингвистики положена идея (или гипотеза, если будет угодно) о необходимости и возможности «умного» использования некоторых культурнозначимых ресурсов преподаваемого языка, предполагающая поэтому выборочный анализ культурнозначимых моделей коммуникативного поведения и наблюдение некоторых тщательно отобранных общественных норм в качестве инструмента формирования у обучаемых свода релевантных для дальнейшего общения знаний о культуре. Данные ресурсы, будь то слова, метафоры, характерные устойчивые словосочетания или синтаксические структуры, равно как и характерные нормы [и «практики»] коммуникативного поведения будут выступать в таком случае в качестве катализатора процессов ознакомления с культурными ценностями и их усвоения.

Прикладная этнолингвистика предлагает комплекс исследовательских протоколов (этнолексикологический, этнориторический, этнофразеологический, этносинтаксический, этнопраг-

¹³ Здесь возникает серьезная культурная асимметрия: культурные ценности (понятие и выражение) давно и устойчиво ассоциируются в русской действительности с очень высокими явлениями и достижениями национальной культуры, а не с «феноменами» обыденной, низкой, бытовой, «этнографической» культуры вроде бухте-ня или самогонварения, как это следует из авторского контекста. Автор предлагает ведь различать культуры графически. Высокая – всегда Культура. А низкая – всегда культура. Это крайне ненадежный способ передачи содержательных различий в русской лингвокультуре. – *Примеч. пер.*

матический), разработанный для студентов с достаточно продвинутым уровнем языковой подготовки с целью дать им инструмент для распознавания и извлечения из доступных им языковых ресурсов различных культурных ценностей и установок, ассоциируемых с изучаемой лингвокультурой и ее носителями. Поскольку само заключение наблюдателя о существовании такой ценности носит гипотетический характер, для его подтверждения требуется провести процедуру валидации [проверку на соответствие реалиям культуры]. Для выполнения таковой разработан специальный протокол, называемый этноаксиологическим.

Начало работы с любым протоколом предполагает в качестве первого шага формирование подборки «свидетельств» – как внутренних, так и внешних. В нашем случае ответственность за такую подборку несут не студенты^{14 (4)}, а преподаватель, который может выбрать релевантные примеры из читаемых текстов или извлечь их из работ по прикладной этнолингвистике. Их оформление в виде размеченного корпуса не требуется, но материал может быть структурирован по различным признакам: по типу источника (внутренний / внешний); по часто повторяющимся (рекуррентным) формальным характеристикам; по типу тематической информации, содержащейся в примерах. Допускается и подборка, не имеющая строгой классификации. Основная цель состоит в том, чтобы организовать работу по анализу собранного материала на предмет извлечения из него стереотипных свидетельств (формы его проведения различны) и их последующей *дестереотипизации*. Суть этой последней заключается в том, чтобы определить степень стереотипности представленной культурной информации, разумеется, если таковая вообще там обнаруживается. Конкретное развитие анализа и его ход определяются фактором наличного времени.

Если объектом анализа стал какой-нибудь языковой факт или коммуникативная ситуация, то за этапами классификации и разбора примеров-свидетельств должно, в принципе, идти выяснение степени распространенности исследуемого языкового факта или коммуникативной ситуации, для чего понадобится поиск аналогичных фактов, а также углубленный лингвистический анализ, по завершении которого станет ясно, удалось ли выявить искомую культурную ценность. Если же отправной точкой анализа выступает сама гипотетическая культурная ценность и поэтому сразу задействуется этноаксиологический протокол, то классификация и разбор свидетельств позволят предложить сразу один или несколько культурных или педагогических гипотетических «сценариев», которые предстоит затем подтвердить [либо отклонить] с помощью новой подборки релевантных фактов речевого или коммуникативного характера.

В качестве иллюстрации сказанного далее будет дан анализ некоторых в большей или меньшей степени стереотипных свидетельств, связанных с феноменом выражения собственного взгляда во французской лингвокультуре. Свидетельства были классифицированы по тематико-семантическому признаку. Выражение собственного взгляда на вещи или отношения к ситуации является с точки зрения прикладной этнолингвистики гипотетической культурной ценностью, и потому для анализа нужно применить этноаксиологический протокол.

IV. Выражение собственного взгляда на вещи через призму стереотипов

А. Сколько французов, столько и мнений

«Что значит быть французом»? В этом вопросе, многократно возникавшем на протяжении веков, ясно просматривается аллюзия на знаменитый пассаж из «Персидских писем» Монтескье (ср. Mogeels, 2014, p. 68), а его риторика подразумевает стереотипный ответ. Вот первый, который задал сам себе британец Уильям Бойд (William Boyd) и сам же откровенно ответил на него, обозначив эту тему ключевыми словами *поспешное обобщение, французы, все они (généralisation hâtive, les Français, tout le monde)*. Цитирую:

^{14 (4)} Правила действий, предписываемые различными протоколами, могут варьироваться. Описываемая в статье процедура соответствует той, которая обычно реализуется самим автором в ходе учебного процесса.

«Мне придется ограничиться здесь своим поспешным обобщением. У меня сложилось впечатление, что французы заняты [анализом] своего жизненного опыта (= *le vécu*) более, чем какой-либо другой известный мне народ. Они размышляют, анализируют, [разбирают на винтики], смакуют, обсасывают, обглаживают его. О чем бы ни шла речь, – о чашке кофе, любовной интрижке, выборе места для саженца, глобализации, вине, иностранцах, погоде на дворе, молодом поколении или о громком политическом скандале, – **буквально каждый, все до одного стремятся донести свое личное мнение** (*tout le monde, tout le monde, je crois, a une opinion*). При этом они стараются и как-то аргументировать его (качество аргументации оставляю в стороне). Я такого не наблюдал больше нигде» (François Armanet et Gilles Anquetil. «Comment peut-on être français ?», *Le Nouvel Observateur*, 1er juin 2006).

Самые важные тематические слова, выделенные мной жирным шрифтом, образуют [во французском языке] в силу своей повторяемости нечто вроде привычного устойчивого словосочетания, что подтверждается также словами словено-швейцарского актера-юмориста Гаспара Пруста (cf. IV, B ; IV, E): «Что-то, а мнение у каждого есть... Подумаешь!». Однако дело не только в том, что мнение есть у каждого француза. Бойд (да и прочие) намекает скорее на то, что французы не держат его при себе, а *спешат поделиться им* [с ближним]. Об этом как раз свидетельствуют американцы Ричард Гудман, побывавший во французской глубинке, и Давид Лебовиц, посетивший Париж. Они говорят как бы словами Бойда¹⁵:

«Трудно было ожидать, что предметом спора станет такая привычная в обыденной жизни вещь, как полив сада с огородом. Но это так. На юге Франции спорят. И особенно горячо – в деревушке, называющейся Сент-Себастьян Декэссон (St. Sébastien de Caisson). Разногласия возникли по поводу времени полива: утром или вечером? [...] Селяне и селянки разделились примерно на два равных лагеря и принялись излагать свою точку зрения по вопросу с такой горячностью, что я не переставал изумляться. Даже те, у кого не было ни сада, ни огорода также позволяли себе – да что позволяли! Считали своим долгом, я бы сказал! – высказаться по этому волнующему вопросу. [...] Я не знал, за кем пойти! Даже патрон газетного киоска в соседнем городке, куда я поехал за газетой, тоже **имел свое мнение по этому вопросу. Как и все остальные!** (...had an opinion; everyone did!) Вот она, настоящая дилемма! Полный сомнений и опасений, я решил перенести полив на вечер, когда лучи солнца потеряют свою жгучую силу (Goodman, 1992, pp. 118–119, 123).

«Когда я пришел в аптеку за выписанным мне врачом средством для разжижения крови, аптекарь вручил мне упаковку длиннющих игл для подкожных инъекций, а также вкладыш, в котором рассказывалось и показывалось, куда и как всаживать их (to jab myself). Глаза мои полезли на лоб, чему он был немало удивлен. Я подзабыл, что находился во Франции, где **всякий** стоящий за прилавком, равно как и все покупатели, **имел свое мнение** [everyone... **had an opinion**] и спешил поделиться своими советами и наработками по этой части. «Да, что вы, это проще простого. Вы сами справитесь – никаких проблем! Не надо только бояться. Действуйте только посмелее», хором посыпались подбадривания, и ни в одном голосе я не услышал и грана сочувствия» (Lebovitz, 2009, p. 114).

Поняв, что выражение собственного мнения является какой-то неотвратимой обязанностью для всех и каждого, Гудман испытывает потрясение, что подчеркивается употреблением местоимения *even* и восклицательного знака. Лебовица, напротив, этот факт французской культурной реальности не удивляет, и он принимает его как данность, как норму (*This being France, of course...*).

Что касается англичанина Уилла Рэндалла (Will Randall), то он, комментируя в схожей ситуации одну личную привычку, которую его соотечественники ценят, как ему показалось, меньше, чем он сам, сформировал *биполярный* стереотип «французы vs мои сермяжные соотечественники» («French people» vs «my fellow countrymen»). Категоричность стереотипа смягчается в некоторой степени наречием *normally* и словосочетанием *often seem to be*: «Как

¹⁵ Перевод английского текста, т. е. «свидетельств» на английском языке, мой. – *Примеч. пер.*

уж у меня повелось – никак не могу избавиться от этой привычки, – я тут же принялся объяснять “с разбивкой по пунктам”, кто я такой, почему оказался здесь и что я думаю об основных вопросах современности. Этот номер очень хорошо проходит обычно с французами, которые часто проявляют гораздо больше интереса, как мне кажется, к тому, что творится на нашей планете, чем мои соотечественники» (Randall, 2008, p. 159).

А что же говорят сами носители своей культуры, французы?

Слово [бывшему] депутату от [некогда влиятельной партии] Union pour un mouvement populaire Тьерри Мариани (Thierry Mariani): «Франция – это экстраординарная страна, в которой **каждый спешит высказать свое мнение** о телепередаче («**tout le monde a une opinion** sur») еще до того, как ее съемки закончатся» (в программе *Le Journal du Dimanche*, 11 décembre 2014)

Кутюрье Марк Жакоб (Marc Jacob): «У всех теперь свое мнение (я сужу по комментариям в своем Instagram’е), и все они правомерны» (recueillis par Carine Bizet, *Le Monde*, 22 avril 2016)

Еще один способ сказать примерно то же самое состоит в том, чтобы подчеркнуть низкое, близкое к нулю число тех, кто **не имеет** [своего] **мнения** («sans-opinion» или «sans-avis»):

«По всем поставленным вопросам доля “sans-opinion” часто крайне незначительна, и ею можно пренебречь. [Респонденты] почти без колебаний выбирают ответ “за” или “против”» (Kodmani, 2001, p. 31).

Jean-François Renaut: «Результаты показывают, что есть те, кто “за пешеходную” и те, кто “против”. Категории нейтралов (“ни за, ни против”) и отказавшихся (“**sans avis**”) отсутствуют» («Lafayette piétonne ou pas ? », *Sud Ouest*, 23 août 2006).

Таким образом, если исходить из этих свидетельств, первое из которых принадлежит натурализованной француженке сирийского происхождения, а второе коренному французскому журналисту, то нужно принять как факт, что французы не любят попадать в категорию людей, не имеющих своего мнения, что и показывают результаты цитированных опросов.

В. Обо всем

Некоторые наблюдатели отмечают, что французы охотно высказывают свое мнение, суждение, «свое личное соображение» по любому вопросу – «обо всем» (**sur tout**). Американский социолог Лоуренс Уили (Laurence Wylie, 1909-1995) давно уже убедился в этом:

«А может быть дело в том, что **французам нравится высказывать свое “личное соображение” о чем угодно... (...avoir leur petite idée sur tout...)**. Американский врач будет говорить с вами о медицине, об интересных случаях из его практики, о новых методах лечения. А французский врач станет рассуждать с вами о музыке, о художественной литературе, обо всем, но только не о медицине» (Sophie Lannes, «Les Français épinglés », *L'Express*, 1er août 1977).

В тональности свидетельства Уили нет поначалу особой категоричности (ср. *peut-être, en effet*), но далее она возникает (ср. *toujours, de tout*). Само свидетельство может быть отнесено к разряду *частично биполярных*, что прослеживается по грамматическим показателям: сначала – французы вообще, затем отдельный их представитель и обратная последовательность в представлении американского типа, который задан через отдельного, но типичного американского врача.

Это «первое впечатление», поведенное некогда иностранцами Уили (и совсем недавно Гаспаром Прустом, см. Gaspard Proust, IV, E) распространено также среди аутентичных носителей французской культуры, т. е. среди посвященных и приобщенных (*initiés*), которые, впрочем, могут фактически проживать как во Франции, так и за ее пределами. В свидетельствах Жилия Асселена (Gilles Asselin), перебравшегося в США, и журналистки из Лондона Аньес Пуарье (Agnès Poigier) встречаются все те же лексические маркеры: местоимение *tout le monde* (= *everybody*) и словосочетание *sur tout* (= *on all subjects*). Асселен не скупится, кроме того, и на интенсификаторы:

«Все и каждый имеет [здесь] свое мнение “обо всем” (**a une opinion sur tout**) и с завидной энергией провозглашает его» (Asselin & Mastron, 2005, p. 156);

«Во Франции каждый француз считает себя специалистом во всем» (**...they are a specialist on all subjects**) (Poirier, 2007, p. 142).

Ален Ремон и Ив Рукот наблюдают за французской лингвокультурой (*la langue-culture*) изнутри. Первый выражает свое мнение словами Асслена (*tout le monde a une opinion sur tout*), тогда как второй склоняется в пользу неопределенного местоимения *chacun* (= каждый). Кроме того, Рукот акцентирует малочисленность категории «француз без своего мнения». Вот их свидетельства:

«Я бы сказал, что все эти люди с положением в обществе ничуть не уронили своего достоинства от того, что признали свою неосведомленность и не стали скрывать отсутствие у них какой-то бы ни было позиции [по этому вопросу]. В конце концов, такое не часто встречается в нашем политико-информационном сообществе, представители которого (= **tout le monde**) обычно не стесняются заявлять о своем мнении по любому вопросу» (Alain Remond, «Pas de commentaires», *La Croix*, 17 mai 2011);

«[В силу того, что] свобода совести имеет [здесь] статус священного права, а гражданственность [возводится в ранг] второй натуры, все пестуют свое мнение и добиваются права высказать его. Ох, как **редки те французы** [и француженки], которые живут просто так, **без мнения. В принципе, оно имеется [и высказывается] обо всем (a une opinion sur tout)**» (Roucaute, 2012, p. 246).

Адвокат Франсис Спинер и журналист из газеты «*Фигаро*» Брюно Сезнек обозначают действующих лиц с помощью местоимения 3 л. ед. ч.: «Француза понукают [и приучают] иметь свое мнение обо всем» (Szpiner & Seznes, 1999, p. 10). Конечно же, их единственное число имеет родовое [собирательное] значение. Таким образом, стереотипность [речевого поведения] имеет место, и она подтверждается массой примеров, подталкивающих к определению своей позиции [по тому или иному вопросу] и сообщению того, «что вы об этом думаете».

С. О том, чего я не знаю и в чем не смыслю

Недостаточная информированность крайне редко является сдерживающим фактором при выражении своей позиции по вопросу. Как заметил в этой связи Маньи, рисуя [с необходимостью] стереотипный портрет парижанина, «**иметь и [выражать] свое мнение о том, чего не знаешь (= sur ce qu'il ne connaît¹⁶ pas)**» [– это искусство], которое требует особого «таланта» (Magny, 2010, p. 152). Впрочем, не будет ошибкой сказать, что этот типаж встречается и за пределами Парижа. С ним солидарен писатель и критик Арно Вивиан (Arnaud Viviant), указывающий на то, что «В наше время с его культурой, функционирующей как промышленное производство, каждый претендует на своё собственное мнение (= *tout le monde a une opinion*) и выкладывает его в Интернете». Это, однако, не стоит рассматривать как прогресс, поскольку, добавляет он, «эти интернет-активисты [доминируют не потому, что] **отличаются знанием предмета – они берут числом (mais leur avis prévaut)**» (см. Pascal Landré, *La Nouvelle République*, 25 septembre 2013). Увы, мало что изменилось с тех пор, когда Дюамель констатировал, «что ангажированный интеллектуал [считает своей обязанностью] **высказаться по любому вопросу (= sur tout)**, и **прежде всего по тем, в которых он не разбирается (...qu'il connaît mal)**. ... Какая-нибудь авангардная писательница-феминистка высказывает безапелляционное мнение по заковыристому юридическому вопросу; светило медицины столь же категоричен в вопросах о развитии ядерной энергетики; знаменитый астрофизик готов без колебаний вмешаться с авторитетным мнением в дискуссию об абортах. Специалист по Древней Греции охотно делится мнением об организации избирательного процесса. Отставной генерал судит о [французском и бельгийском] епископате, на что [фран-

¹⁶ Вот она, «новая» французская орфография от 1991 г.: акцент (циркумфлекс) опущен. – *Примеч. пер.*

пузский] епископат без колебаний отвечает симметричным контрударом и дает пространственные советы по вопросам оборонной стратегии» (Duhamel, 1985, p. 109).

То же вещают с амвона менее или совсем не сведущие знатоки, например голландка Хелена Остервельд (Heleen Oosterveld): «Когда дело доходит до [высокой] кухни, то каждый француз дает понять, что знает все ее секреты; даже тот, который никогда не стоял у плиты» (Oosterveld, 1999, p. 143).

Или цитированная выше Хала Кодмани:

«У них можно поднимать любую тему по любому вопросу – экономики, кризиса в международных отношениях, религий, природных катастроф, естественных наук или медицины, – и мало будет тех, кто признается в незнании или некомпетентности. У них, конечно же, все уже обдумано, и [потому] они не стесняются делиться своей точкой зрения по массе проблем [настоящего и прошлого], включая и те, по которым нет достаточной информации» (Kodmani, 2001, p. 28). И она приводит затем множество конкретных примеров о французах, рискующих показывать свое компетентное мнение в ситуациях, когда оно явно выглядит нефундированным, необдуманным или неуместным. Вот некоторые из них:

«Вполне резонно, когда управляющий супермаркета бросается объяснять особенности эволюции потребностей французских покупателей, но когда он с тем же апломбом решает поведать об опасностях видеоигр для здоровья подрастающего поколения, то есть повод усомниться в [истинности] его откровений. Французы любят выставлять напоказ свою подкованность в различных областях, очень далеких от сферы их деятельности. Ревматолог, у которого я лечусь, беспрестанно разглагольствует об обоснованности союза между Саддамом Хусейном и США. А моя парикмахерша – «спец», каких мало, по гомеопатии. Если бы не мой банковский советник, я бы и не знала, что выхлопные газы автотранспорта никак не влияют на наше здоровье. А вот курение, ну это совсем другое дело... оно-то и губит...» (Kodmani, 2001, p. 29).

Подобные интеллектуальные претензии настолько раздражают журналистку, [представляющую сирийско-французскую культуру], что резкость ее заключения уже не удивляет:

«Французы убеждены, что их здравый смысл самый здравый, а их опыт жизни [не может подвести], безошибочно направляя мысль (*les meilleurs guides de leurs pensées*). Им и в голову не приходит проявить хоть толику скромности, когда они имеют дело с суждениями компетентных специалистов, подтвержденными практикой» (Kodmani, 2001, p. 29).

В представленных выше свидетельствах обнаруживаются те же формальные признаки, что и в предыдущих случаях.

Д. О том, что еще неизвестно с достоверностью

Та легкость, с которой некомпетентность [исследуемого «культурного контингента»] массово демонстрирует себя в выражении собственного мнения, взгляда или позиции, сопоставима у них лишь со страстью формулировать **свои** версии и догадки в условиях недостатка информации.

Так, французский писатель Жан Тирелли предлагает на суд читателей своего «романа»¹⁷ *Le journal d'une cloche* («Дневник одного клоша»), хронику раздумий французского клошара [т. е. колоритного бомжа] Жанно Клоша. 16 мая тот делает следующую запись о [нашумевшем] деле, кодируемом во Франции тремя заглавными буквами ДСК (от DSK^{18 (7)}) (Jean Tirelli 2012, p. 125).

¹⁷ Слово заключено в кавычки автором статьи. – *Примеч. пер.*

^{18 (7)} Эта дата, как и упоминание в ней других характерных деталей, опущенных здесь, неопровержимо указывает на то, что речь в дневнике идет именно о деле Доминика Стросс-Кана (т. е. DSK), [известнейшего] французского политического деятеля, экономиста, возглавлявшего некогда МВФ, ставшего фигурантом дела по обвинению в изнасиловании [чернокожей] горничной в номере одной нью-йоркской гостиницы.

Эта запись гласит: «Самое смешное в этой истории то, что никто не знает [еще], что же произошло на самом деле. Но **все уже торопятся поделиться своим мнением. Чем меньше знаешь, тем больше у тебя фактов**».

Уклонение Жанно от этой нормы поведения, вызывает [закономерное] раздражение, приправленное недоверчивостью, со стороны другого персонажа, Робера, переданное в следующих словах:

«Робер пристаёт и допытывается, что я обо всем этом думаю. Когда я ему ответил, что ничего не думаю, что надо еще подождать, он мне бесцеремонно: “Не ломайся! Давай выкладывай!”» (Jean Tirelli 2012, p. 125).

Во французском языке есть специальные обороты, которые обычно указывают на преждевременность выражения своего мнения или формулировки позиции. Это глагольная конструкция *aller de*, также существительные *idée* и *théorie*, которые могут дополняться прилагательным *petit*.

Покажем их в действии. Жюльен Кокэ (Julien Coquet) сообщает о причинах закрытия двух пляжей так: «**Tout le monde y va de son idée** mais personne ne sait ce qu’il se passe vraiment ». В русском варианте получаем: «Здесь все гадают и пытаются понять, но на самом деле никто толком ничего не знает». И далее: «Ясно только одно, если запрет на купание затянется, то весь наш летний сезон пойдет коту под хвост» (Propos de Patrice Durvin, patron d’un bar-tabac à Plougonvelin (Finistère), rapportés par Julien Coquet, « Plougonvelin: deux plages fermées pour pollution », *Ouest France*, 29 juillet 2011).

Аналогичный пример из другой региональной газеты с тем же оборотом **tout le monde y va de sa petite théorie**: «У нас нет никакой информации о ходе расследования. Впечатление складывается такое, что оно застопорилось... Ну и понятно, что **у каждого появилась своя скромная теория** на этот счет» (Propos anonymes rapportés par M.R., « Des témoignages d’affection pour une jeune femme de tous les combats, et la colère contre “celui ou ceux qui ont fait ça” », *La Voix du Nord*, 24 juin 2011).

Описывать в цитированных выше словах состояние дел – значит поступать по стереотипным образцам. Суть не в том, все (*tout le monde*) или не все. По этим двум оборотам видно, что каждый хочет откликнуться и потому формулирует свое мнение. Местных жителей это настолько задело (первый пример) и напугало (второй пример), что они без колебаний и предубеждений обсуждают ситуацию, не обращая внимания на то, что новые факты могут легко показать несостоятельность их «личных теорий» произошедшего.

Впрочем, в примерах приведенного типа вместо местоимения *tout le monde* в функции подлежащего может употребляться неопределенное местоимение *chacun* без изменения смысла высказывания:

«[Однажды], на заснеженной дороге, всего в нескольких шагах от дома появились чьи-то следы. С тех пор каждый [житель деревни] ведет свое личное расследование» = **chacun y va de son idée** (J.C., « Cierp-Gaud: un ours a-t-il traversé le village ? », *La Dépêche du Midi*, 16 février 2010);

«Чтобы разрешить возникшую проблему с жильем, каждый предлагает свой план = **chacun y va de sa petite idée**» (Julie Joly, « Trois idées pour une crise », *L’Express*, 30 novembre 2006);

«Причина появления анонимок окутана мраком тайны. Кто это сделал? Неизвестно. За чем? Просто глупая шутка? Или это жертва давней обиды, решившая, наконец, расквитаться? Личная месть? **У каждого** жителя деревни Saint-Symphorien [не Гадюкино ли это?] **есть своя собственная версия** (= **Chacun y va de sa petite théorie**), и отдел жандармерии не исключает пока ни одну из них» (Amandine Bourgoïn, « Sur les traces du corbeau de Saint-Symphorien », *Paris Match*, 30 mai 2014).

Во всех трех приведенных примерах описывается некое нарушение привычного хода жизни, вызывающее обеспокоенность местного общества. Причина аномалии во всех случа-

ях еще не установлена. В результате все начинают строить догадки, каждый хочет вложить свою лепту, и этот процесс развивается по стереотипным [лингвокультурным] моделям.

Е. Воздержание противопоказано

Выражение своей позиции [во Франции] ценится [и приветствуется]. Вот недвусмысленная позиция по этому пункту одного информанта, аутентичного носителя [французской лингвокультуры], причем в его формулировке личной точки зрения нет ни малейшей стереотипности:

«Высказывать свою точку зрения надо (= **Il faut donner son opinion**). Все время. Постоянно. Если есть, что сказать – не молчи. Без этого в жизни будет застой» (см. Mullan, 2010, p. 33).

Тем не менее сама эта точка зрения является очень распространенной и потому тоже может формулироваться по стереотипной модели (= *se prêter au stéréotypage*). Это хорошо видно в свидетельстве уже упомянутого словено-швейцарского актера и юмориста Гаспара Пруста (фр. Gaspard Proust, слов. Gašper Pust), где стереотипность подчеркивается интенсификаторами *bien français* и *forcément*:

«А! Мнения? Что-что, а мнения есть у каждого. Я даже не вижу причин говорить о своих! Не понимаю, что в них может быть особо интересного. Вам интересно знать, кто моя девушка-подружка? Держу ли я собаку? А вот для французов все наоборот! Вынь да положь свое мнение и обязательно расскажи о нем всем» = *Mais ça, c'est bien français ! Il faudrait forcément avoir des opinions sur tout et les donner à tout le monde* (см. Antoine Delacou, “Le costume du bouffon me va bien”, *La Montagne*, 28 novembre 2013).

В период избирательных кампаний, когда число не пришедших на голосование или опустивших в урну незаполненный бюллетень [во Франции эту категорию обозначают словом *sans-opinion*, т. е. букв. «без мнения»] начинает расти, всех этих «абстенционистов» призывают к порядку^{19 (8)} с помощью заклинания *Il faut donner son opinion* (т. е. «надо [прийти] и выразить свое мнение»).

А вот каковы умонастроения [другого информанта] натурализованного француза родом из Буркина Фасо: «Я с нетерпением ждал момента, когда я смогу проголосовать; я считаю, что пренебрегать этим правом ненормально. Надо заявлять о своей позиции на выборах (= **Il faut donner son opinion**) даже тогда, когда ты недоволен» (см. Anon., « Assanatou peut enfin voter... », *Presse Océan*, 5 avril 2010).

Анонимный избиратель из Лезиньяна (Lézignan) об отношении к воздерживающимся от голосования на выборах тоже говорит стереотипной формулой: «Что касается неучастия, то, на мой взгляд, это плохо: голосовать надо – за белых, за синих, за красных – [не важно], но надо обязательно (= **Il faut donner son opinion**)» (см. « Campagne et abstention: les citoyens s'expriment », *L'Indépendant*, 31 mars 2014).

Вменение в обязанность высказывать свою позицию может, конечно, «напрягать» тех, кто не привык осознавать каждый свой шаг. Ниже приведено свидетельство информантки из США, приехавшей во Францию на курсы по французскому языку, [языковые ошибки которой в переводе отражаться не будут]:

«[...] если меня будут [и дальше] заставлять говорить о вещах, которые меня не интересуют, то лучше уж сразу уехать отсюда; я не затем ехала во Францию. Я же не француженка, и не хочу становиться француженкой... в общем, за мной всегда остается право говорить только о том, о чем я хочу говорить» (см. Kinginger, 2004, p. 237).

^{19 (8)} Эрик Эшиманн напоминает в этой связи [откровенное, хотя и несколько взволнованное] мнение греко-французского философа Корнелиуса Касториадиса (Cornelius Castoriadis), высказанное в [далеком] 1983 году: «Какие же кретины все эти нейтралы, абстенционисты, не-поставившие-галочку, ни-за-левых-ни-за-правых!». Но, констатирует Эшиманн, «с тех пор прошло уже 25 лет, а «кретины» по-прежнему чувствуют себя неплохо [в своей социально-политической нише]. Пожалуй, пора уже признать это и воздать им должное» (Eric Aeschmann, « Athènes sans isoloir », *Libération*, 19 juin 2008).

Отсюда следует, что у информантки Алисы сложилось стойкое впечатление, что во Франции нужно уметь говорить на любую тему, в том числе на такие, которые ей не интересны. В этой позиции проявляется, конечно же, стереотипный образ страны. Не желая подвергаться аккультурации, она сохранила за собой право не следовать примеру других. Однако примерно через два года после описанного эпизода та же информантка Алиса призналась, что за прошедший период пребывания во Франции ее образ мыслей заметно изменился. Эта трансформация идентичности является чрезвычайно показательной в том, что касается различий между французской и американской лингвокультурами по вопросу о выражении своей позиции. Приведем диалог, подтверждающий сказанное, буква А в нем = Алиса Alice, а буквы СК обозначают преподавателя-исследователя²⁰ (см. Kinginger, 2004, p. 238).

А.: Этот Седрик совсем достал меня тогда... Я таких не люблю... Я стала отбиваться, как могла... А что ты думаешь, Алиса, про все эти [американские] бомбежки... А я не такая... Мне на это наплевать... Я [здесь] живу, а не там. Я не знаю, кто там кого бомбит, [и знать не хочу]. Мне это до лампочки! А он такой... настырный... Да что ты такое говоришь! Это, [видите ли,] очень безответственно! Ты же знаешь, что это вы бросаете бомбы на людей. А я такая... вот! Не я же сижу в этом самолете? Так? Ну и ты [тоже] прав [...] Ну, и все такое... а потом, вы знаете, что было? Он так давил-давил на меня, прессовал-прессовал, ну и я понемногу-помаленьку стала понимать, что к чему... стала политически информированной и подкованной, [как он говорит].

СК.: И ты думаешь, что это... что это все еще продолжается? Я хочу сказать...

А.: Да.

Цитированная выше [натурализованная француженка] Хала Кодмани также признается, что ей не удалось «достичь высот» своих новых соотечественников, когда ей нужно высказаться по какой-нибудь проблеме, не связанной с ее профессией:

«Я еще понимаю, когда от меня ждут ясного выражения позиции по вопросам, прямо касающимся меня, но с какой стати вы ждете от меня мнений по ядерной проблематике, по PACS²¹, об Интернете, о каком-то там телеведущем, о фаст-фуде?» (Kodmani, 2001, p. 32).

А в приводимом Беалем свидетельстве одного австралийца, работающего во французской компании из Мельбурна, тот жалуется, что неоднократно подвергался со стороны своих коллег-французов «интеллектуальному прессингу» (= *s'était senti «mis sur la sellette»*), поскольку иногда он не знал совсем, что сказать в ответ. Он связывает такой тип рабочих отношений с французской культурой в целом, хотя и вносит некоторые «нюансы» [впрочем, тоже типичные] в этот стереотип (см. *it seems important, just about*). Вот его признание:

«Как я понял (= *it seems*), во Франции ценится способность дать свое суждение **практически по** (= *on just about*) любому мыслимому вопросу. Я, видите ли, обязан (= *must*) понимать, что происходит [сейчас] в России, и что я думаю про этот их Париж... Понравился или не понравился? А почему? Будто скажу, и тогда наступит счастье [и все будет чин-чинарём]... А еще спрашивали про Лондон и про англичан, про то, что происходит в самой Австралии, про политическую ситуацию у нас...» (Béal, 2010, p. 374 – 375).

Эта французская установка [и культурная норма] на «всезнательство» поощряется, однако, не везде и не является универсальной. Об этом идет речь в свидетельстве очередной наблюдательницы-информантки японки Аими (Aïmi), которая, приехав в 2002 году во Францию, поняла, что она была совершенно не готова к жизни в новой реальности. Испытанный куль-

²⁰ Английский оригинал монолога Алисы тоже необходим. Он показывает все «прелести» понимания и перевода настоящей устно-разговорной речи, будь то американская Алиса или ее литературный прототип Эллочка.

А.: I had a huge fight with this guy named Cedric because he was like, what do you think about this whole bombing thing? I'm like, I don't care! I'm not there, I don't know what's going on, I don't care! He's like, how can you say that, that's so irresponsible! You know you're dropping bombs on people. I'm like, yeah, I'm flying the plane, that's right, you're, yeah you're right [...] and so then, you know, he actually did in a roundabout indirect way force me into having a political s-, you know hav-having a political awareness.

²¹ Точнее, Pacs, т. е. le pacte civil de solidarité – упрощенная форма легализации сожительства двух совершеннолетних лиц независимо от пола, узаконенная во Франции 15 ноября 1999. Существует и глагол *pacser*.

турный шок был суров, поведала она четыре года спустя французскому журналисту из *Journal du Dimanche*, когда ей было уже 30 лет:

«Для нас, японцев, Париж – это город мечты, где живут исключительно лишь красивые и элегантные люди. Мы идеализируем французскую кухню, моду, походы по магазинам на Елисейских полях. А потом наступает прозрение... Японец начинает понимать, что французский характер представляет собой нечто строго противоположное японскому. Здесь нас начинают понукать к [беспрестанному] высказыванию собственного мнения, а в Японии, наоборот, приучали не высываться с ним, говорить, не размахивая руками, запрещали прикасаться друг к другу» (см. Charlotte Langrand, «Quand Paris fait déjanter les Japonaises», *Le Journal du Dimanche*, 22 octobre 2006).

В свидетельстве Аими выявляется биполярная стереотипия (*un stéréotypage bipolaire*), поскольку в нем видны как автостереотипы (*nous, les Japonais*), так и гетеростереотипы (*les Français, vous*). В действительности ее культурный опыт вряд ли сильно отличается от образа, данного в свидетельстве, где она, указывая на японскую нацию, прячется за формами множественного числа. Французский язык она учила, вероятнее всего, в Токио или в каком-нибудь другом крупном японском городе, а в учебном материале были «темы» по кухне, моде, шопингу на Елисейских полях, но там не говорилось о «неких» культурных ценностях вроде [давней общефранцузской] установки на выражение своей позиции [т. е. критический анализ окружающей реальности]. Отсюда и описанное выше «открытие», которое она сделала по приезду в Париж. Для французской социологии в этом никакого открытия нет, поскольку, как пишет Филипп д'Ирибарн, желание «засунуть свою точку зрения себе в карман, отказавшись от ее защиты до победного конца /.../ будет воспринято /.../ как явный признак неуверенности в себе (Philippe d'Iribarne, 2006, p. 108). Другими словами, отказ от выражения точки зрения есть признак слабости.

V. Культурные и методические сценарии

Напомню, что отправной точкой в иллюстрации этноаксиологического протокола стала одна гипотетическая культурная ценность, а именно умение формулировать свою позицию / точку зрения. Простое ознакомление с подборкой свидетельств позволяет, не проводя никакой классификации, убедиться, что во французской лингвокультуре (*langue-culture*) выражение мнения и, в общем виде, свобода слова (*liberté de parole*) – это святое. Для носителя французской культуры в этом никакого секрета нет, но студентам-иностранцам, изучающим французский язык и культурные нормы Франции, эту «невидимую очевидность» (Carroll, 1987) надо эксплицировать. Прикладная этнолингвистика обращается в этом случае к естественному семантическому метаязыку²² (ЕСМ), разработанному Анной Вежбицкой и Клиффом Годдардом (см., например: Goddard и Wierzbicka, 2014), который позволяет избежать введения [сложной] лингвистической терминологии [традиционно называемой в англоязычных странах жаргоном] и прочих специальных терминов, заменив их универсальным минимальным словарем, выделенным эмпирически и включающим 65 семантических примитивов (*primitifs sémantiques*). Он дополняется [такой же экономной] универсальной грамматикой, определяющей правила комбинаторики семантических примитивов. Использование ЕСМ позволяет осуществить описание [различных лингвокультурных ситуаций и проблем] на языке, понятном не только для носителей французской культуры, но и для иностранцев, поскольку все языковые версии ЕСМ (английская, французская, японская и т. д.) строго изоморфны, что позволяет реализовать их взаимный перевод без искажений. Если выбрать в ка-

²² (9) На французском языке базовую информацию о ЕСМ можно получить в Peeters (2010, 2012). На английском она доступна в сети по адресу <https://www.griffith.edu.au/humanities-languages/school-humanities-languages-social-science/research/natural-semantic-metalanguage-homepage> [URL réduite <http://bit.ly/1XUoRRV>]. Там же представлена достаточно полная библиография по этой проблематике.

честве исходной точки лингвокультуру французов, то по теме «свобода слова / выражения» можно предложить следующий культурный сценарий^{23 (10)}.

Культурный сценарий, эксплицирующий формирование свободы слова во французской лингвокультуре (= кто-нибудь хочет сказать что-нибудь), который развивается по языковой схеме **«quand j'y pense, je pense comme ça»** (когда я задумываюсь об этом, то мне приходит в голову вот что) и подкрепляется фоновой установкой «хорошо, когда он / она могут высказать это, и плохо, когда он / она не могут высказаться»

Поскольку студент-иностранец всего лишь осваивает [французскую] лингвокультуру, имеет смысл заменить этот культурный сценарий [методико-]педагогическим, составив его в виде облегченной версии изучаемого иностранного языка на базе предлагаемого ЕСМ. В таком случае всегда остается возможность что-то подкорректировать с учетом изменяющихся педагогических задач.

Альтернатива состоит в том, чтобы разработать облегченную версию на первом языке студента-иностранца или же на английском, который уже выполняет функцию *lingua franca*. В рамках теории ЕСМ в данном случае подразумевается создание *минимального* языка (французского, английского, китайского и т. д.), при этом педагогический сценарий ориентирован от иностранной лингвокультуры [от внешней, от наблюдателя] к своей для студента [внутренней]. Если взять пример с минимальным английским²⁴, то процесс обучения и общения с обучаемыми развивается либо с точки зрения транскультурного преподавателя, либо с точки зрения обучаемого, [вынужденно] обращающегося к самому себе непременно посредством местоимения *you* в родовом значении.

Педагогический сценарий, эксплицирующий нормирование свободы слова во французской лингвокультуре на *основе минимального английского*:
 Надо [сказать] так, потому что так думают многие;
 когда вам нужно выразить свое мнение о чем-нибудь, то схема такая: «когда я размышляю / задумываюсь об этом, то я думаю так...»;
 или «хорошо, если вы можете [= имеете возможность] сказать это..., плохо, если вы не имеете возможность сказать это»
 = it is like this (because many people think like this): if you want to say about something: “when I think about it, I think like this: [...]”, it is good if you can say it, it is bad if you can't.

Что касается французского минимального, то в нем полной эквивалентностью обладают только местоимение *on* (хотя в устно-разговорном все чаще употребляется и местоимение *tu*)

^{23 (10)} Он представляет собой прямой перевод с английской оригинальной версии, представленной в (Goddard & Ye, 2015, p. 77). Это вполне приемлемо, потому что в такой предельно общей формулировке обозначенная общественная установка востребована и отстаивается очень многими лингвокультурами, включая англоориентированные (т. е. «anglo»).

^{24 (11)} Минимальный английский не есть некая неизменная постоянная величина. Он подвергается легким вариациям теми, кто его использует в качестве инструмента. Поэтому в английском языке он обязательно детерминруется неопределенным артиклем. То же самое касается и других языков, различающих *грамматическую* определенность и неопределенность. [В «безартиклевым» русском языке вариативность минимального языка тоже осознается, но на других основаниях.]

и оборот *c'est bien / mal que* + subjonctif. Есть еще оборот *c'est bien / mal si* + indicatif, практически эквивалентный первому, но в нормативном отношении предпочтительнее оборот с субжонктивом – он частотнее.

Педагогический сценарий, эксплицирующий нормирование свободы слова во французской лингвокультуре на основе французского минимального по схеме *c'en est ainsi (parce que beaucoup de gens pensent comme ça)*:
 когда есть желание сказать что-нибудь, то «*quand j'y pense, je pense comme ça : [...]*»,
c'est bien qu'on puisse le dire, c'est mal qu'on ne puisse pas le dire

Как было сказано выше, установка на свободу слова (= *liberté de parole*) ценится во многих лингвокультурах, однако ее содержание и реализация в различных лингвокультурах варьируется. Анализ свидетельств и, если требуется, их «дестереотипизация», позволяют прийти к выводу, что во французской лингвокультуре выражение своей точки зрения / позиции (*prise de position*) получило очень высокую, «экстремальную» значимость.

Культурный сценарий, эксплицирующий сверхвысокую значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультуре, по схеме:
c'est bien si les gens disent de beaucoup de choses : « quand j'y pense, je pense comme ça : [...] »
ils peuvent le dire quand ils savent beaucoup de choses de ces choses
ils peuvent le dire quand ils savent peu de choses de ces choses
ils peuvent le dire avant qu'ils ne sachent quelque chose de ces choses

Переписанный с помощью минимального английского, этот культурный сценарий превращается в следующий педагогический сценарий.

Педагогический сценарий, эксплицирующий значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультуре на минимальном английском по схеме:
it is like this (because many people think like this):
it is good if you can say about many things: "when I think about it, I think like this: [...]"
you can say it when you know a lot about these things
you can say it when you know little about these things
you can say it before you know anything about these things.

Что касается французского минимального, то снова приходится использовать неопределенно-личное местоимение *on* и оборот *c'est bien que*.

Педагогический сценарий, эксплицирующий значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультурной среде на *французском минимальном* по схеме

c'en est ainsi (parce que beaucoup de gens pensent comme ça) :
c'est bien qu'on puisse dire de beaucoup de choses : « quand j'y pense, je pense comme ça : [...] »

on peut le dire quand on sait beaucoup de choses de ces choses

on peut le dire quand on sait peu de choses de ces choses

on peut le dire avant qu'on sache quelque chose de ces choses

VI. Аутентификация культурного и / или педагогического сценариев

Будет самообманом полагать, что предложенные выше сценарии позволят автоматически избежать стереотипизации явлений (= *stéréotypage*). Максимум, что можно утверждать – это то, что культурные и педагогические сценарии, базирующиеся на [более объективных] подходах прикладной этнолингвистики, являются определенной гарантией от [формулировки] новых стереотипов по сравнению с часто поверхностными и поспешными свидетельствами, на материале которых они возникли. Стереотипизация связана прямо с [логической операцией] обобщения, а обобщения избежать невозможно, можно лишь постараться «не заходить в них слишком далеко» (= *trouver le juste milieu*).

Какой же вид принимает далее этноаксиологический протокол, который мы постарались проиллюстрировать в статье? Он предполагает [на своем следующем шаге] обращение к экстралингвистическим компонентам [исследуемого явления лингвокультуры], которые и позволяют *подтвердить аутентичность* сценариев (= *corroborer les scénarios*), [их соответствие реальному вербальному поведению] и оценить распространенность привычки к выражению своей точки зрения / позиции (*prise de position*). К этим экстралингвистическим компонентам относится, например, «опросомания», т. е. безумное увлечение соцопросами (= «*sondomanie*»), печатные издания, формирующие общественное мнение, теледебаты, дискуссионные кафе (= *cafés philo*) и т. п.

Языковое подкрепление [лингвокультурной аутентичности] – это введение многочисленных французских адвербиальных выражений соответствующей семантики (*à mon avis, à mon idée, à mon sens, à mon sentiment, à mes yeux, à mon gout, selon moi, d'après moi, pour moi...*), столь же многочисленных глаголов «личного мнения» *je trouve que, je crois que, je pense que, j'estime que, je considère que, je juge que, m'est avis que, j'ai une théorie, j'ai ma petite idée...*, оборотов с той же семантикой (*cela n'engage que moi, c'est juste mon avis perso, c'est vrai que P mais bon, c'est mon opinion et je la partage, à chacun son opinion, chacun a sa petite idée, autant de têtes autant d'avis, du choc des idées jaillit la lumière...*) и переносных выражений вроде *défendre son bifteck, avoir son mot à dire, inspecter les travaux finis, refaire le monde, donner une réponse de Normand, rester au milieu du gué, opiner du bonnet...*, коих во французском тоже пруд пруди.

Заключение

Теперь мы можем лучше понять, какую роль играют стереотипы (если не все, то некоторые из них) с точки зрения прикладной этнолингвистики. В отличие от когнитивной этнолингвистики Бартминьского, стереотипы рассматриваются ею как средство достижения определенной [прагматической] цели. На этом пути они, находясь в самом начале цепочки, вступают во взаимодействие с другими ее звеньями, имеющими столь же большое значение

на пути к конечной цели. В результате мы получаем в распоряжение критерий, позволяющий отличить «хорошие» стереотипы (к ним мы относим те, которые могут быть признаны объективно существующими) от «плохих»; эти последние не отвечают критерию объективности и скорее представляют собой предрассудки. В первом случае, как правило, можно обнаружить достаточно большое число дополняющих звеньев-компонентов, что позволяет трактовать исследуемую культурную ценность уже как реальную, а не гипотетическую. Во втором таких дополнительных фактов оказывается недостаточно (либо же они отсутствуют вообще), заключение о существовании постулированной в начале процесса культурной ценности может быть только негативным. Другими словами, отправная гипотеза терпит крах.

Список литературы / Références bibliographiques

- Amossy, R., & Herschbrg-Pierrot, A.** (2016). *Stéréotypes et clichés : langue, discours, société*. Paris, Armand Colin.
- Arismendi Gómez, F. A.** (2014). Culture et formation des futurs enseignants de langues : le cas d'un programme de licence dans une université publique en Colombie. *Lenguaje*, 42, 363–387. <<http://hdl.handle.net/10495/2752>>.
- Asselin, G., & Mastron, R.** (2005). *Français – Américains : ces différences qui nous rapprochent*. Paris, Alban.
- Bartmiński, J.** (2009). Aspects of cognitive ethnolinguistics. London, Equinox.
- Bartmiński, J.** (2013). The cognitive definition as a text of culture. In A. Głaz, D. S. Danaher, & P. Łozowski (dir.), *The linguistic worldview : ethnolinguistics, cognition, and culture* (pp. 161–180). London, Versita.
- Béal, C.** (2010). *Interactions quotidiennes en français et en anglais : de l'approche comparative à l'analyse des situations interculturelles*. Bern, Peter Lang.
- Carroll, R.** (1987). *Evidences invisibles : Américains et Français au quotidien*. Paris, Seuil.
- Duhamel, A.** (1985). *Le complexe d'Astérix : essai sur le caractère politique des Français*. Paris, Gallimard.
- Fernández, S. S.** (2016). Possible contributions of ethnopragmatics to second language learning and teaching. In S. Vikner, H. Jørgensen, & E. van Gelderen (dir.), *Let us have articles betwixt us : papers in historical and comparative linguistics in honour of Johanna L. Wood* (pp. 185–206). Aarhus, Aarhus University.
- Galatanu, O.** (2009). L'analyse du discours dans la perspective de la Sémantique des Possibles Argumentatifs : les mécanismes sémantico-discursifs de construction du sens et de reconstruction de la signification lexicale. *Cahiers du Laboratoire de recherche sur le langage [Université Blaise-Pascal, Clermont-Ferrand]*, 3, 49–68.
- Galatanu, O., & Gouvard, J. M.** (1999). Présentation [du fascicule consacré à la Sémantique du stéréotype]. *Langue française*, 123, 3–5.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A.** (2014). *Words and meanings : lexical semantics across domains, languages, and cultures*. Oxford, Oxford University Press.
- Goddard, C., with Ye, Z.** (2015). *Ethnopragmatics*. In F. Sharifian (dir.), *The Routledge handbook of language and culture* (pp. 66–83). New York, Routledge.
- Goodman, R.** (1992). *French dirt : the story of a garden in the South of France*. Chapel Hill, Algonquin Books.
- Gülich, E.** (1981). Was sein muß, muß sein : Überlegungen zum Gemeinplatz und seiner Verwendung. In H. Geckeler, B. Schlieben-Lange, & H. Weydt (dir.), *Logos semantikos : studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921–1981 : vol. 2* (pp. 343–363). Berlin, Walter de Gruyter & Madrid, Gredos.
- Kauffer, M.** (2011). « Actes de langage stéréotypés » en allemand et en français : pour une redéfinition du stéréotype grâce à la phraséologie. *Nouveaux cahiers d'allemand*, 29, 37–53.

- Kinginger, C.** (2004). Alice doesn't live here anymore : foreign language learning and identity reconstruction. In A. Pavlenko, & A. Blackledge (dir.), *Negotiation of identities in multilingual contexts* (pp. 219–242). Bristol, Multilingual Matters.
- Kodmani, H.** (2001). *Les Français sans peine*. Paris, Le Manuscrit.
- Lebovitz, D.** (2009). *The sweet life in Paris : delicious adventures in the world's most glorious – and perplexing – city*. New York, Broadway Books.
- Magny, O.** (2010). *Dessine-moi un Parisien*. Paris, Editions 10/18.
- Moreels, I.** (2014). « Comment peut-on être français ? » : le rôle de l'ironie dans la mise en scène de l'étranger chez C. de Montesquieu, P. Daninos et C. Djavann. *Carnets : revue électronique d'études françaises, IIe série, 1*, 58–74.
- Mullan, K.** (2010). *Expressing opinions in French and Australian English discourse : a semantic and interactional analysis*. Amsterdam, John Benjamins.
- Niebrzegowska-Bartmińska, S.** (2013). Stereotypes and values in the linguistic worldview. In A. Głaz, D. S. Danaher, & P. Łozowski (dir.), *The linguistic worldview : ethnolinguistics, cognition, and culture* (pp. 199–214). London, Versita.
- Oosterveld, H.** (1999). *Leven als boer in Frankrijk*. Utrecht, Spectrum.
- Peeters, B.** (2009). Language and cultural values : the ethnolinguistic pathways model. *Fulgor*, 4(1), 59–73. <<http://ehlt.flinders.edu.au/deptlang/fulgor/>>.
- Peeters, B.** (2010). La métalangue sémantique naturelle : acquis et défis. In J. François (dir.), *Grandes voies et chemins de traverse de la sémantique cognitive* (pp. 75–101). Leuven, Peeters.
- Peeters, B.** (2012). L'interculturel servi à la sauce MSN, ou A quoi sert la métalangue sémantique naturelle ? In N. Auger, C. Béal, & F. Demougin (dir.), *Interactions et interculturalité : variété des corpus et des approches* (pp. 149–180). Bern, Peter Lang.
- Peeters, B.** (2013a). Ah méfiance, quand tu tiens la France... *Cahiers de praxématique*, 60, 16 pp. <<http://praxématique.revues.org/3872>>.
- Peeters, B.** (2013b). Râler, râleur, râlite : discours, langue et valeurs culturelles. In C. Claudel, P. von Münchow, M. Pordeus, F. Pugnière-Saavedra, & G. Tréguer-Felten (dir.), *Cultures, discours, langues : nouveaux abordages* (pp. 117–141). Limoges, Lambert-Lucas.
- Peeters, B.** (2013c). Language and cultural values : towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom. In B. Peeters, K. Mullan, & C. Béal (dir.), *Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally* (pp. 231–259). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars.
- Peeters, B.** (2015a). La France de la débrouille : étude ethnoaxiologique d'une valeur culturelle hypothétique. *Revue de sémantique et pragmatique*, 37, 103–122.
- Peeters, B.** (2015b). Bienvenue au café du Commerce : propos ethnorhétoriques. *Publif@rum*, 23, 18 pp. <http://www.publifarum.farum.it/ezone_articles.php?art_id=315>.
- Peeters, B.** (2016). Langue et valeurs culturelles : six façons d'y voir plus clair. *CoReLa, HS-19*, 17 pp. <<http://corela.revues.org/4347>>.
- Poirier, A. C.** (2007). *Touché*. London, Phoenix.
- Putnam, H.** (1990). *Représentation et réalité*. Paris, Gallimard.
- Putnam, H.** (1994). *Le réalisme à visage humain*. Paris, Seuil. Réédition Gallimard (2011).
- Randall, W.** (2008). *Another long day on the piste : a season in the French Alps*. London, Abacus.
- Roucaute, Y.** (2012). *Eloge du mode de vie à la française : the French way of life*. Monaco, Editions du Rocher.
- Schapira, C.** (1999). *Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules*. Paris, Ophrys.
- Szpinier, F., & Seznec, B.** (1999). *Les moutons de panel : contre les sondages*. Paris, Plon.
- Tirelli, J.** (2012). *Le journal d'une cloche*. Sète, Edition de la Mouette.
- Wang, X.** (2010). Les dictionnaires bilingues français-chinois : écarts, équivalences et apprentissage de la culture. In G. Alao, H. Medhat-Lecocq, S. Yun-Roger, & T. Szende (dir.), *Implicites*,

stéréotypes, imaginaires : la composante culturelle en langue étrangère (pp. 183–193). Paris, Editions des archives contemporaines.

Wasiuta, S. (2008). Stereotype : a key concept of Lublin ethnolinguistics. *Filologija*, 13, 149–160.

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

10.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Петерс Берт, доцент Австралийского национального университета (Канберра, Австралия);
адъюнкт-доцент Гриффитского университета (Брисбен, Австралия)

Bert Peeters, Honorary Associate Professor, Australian National University (Canberra, Australia);
Adjunct Associate Professor, Griffith University (Brisbane, Australia)

Bert.Peeters@anu.edu.au

b.peeters@griffith.edu.au

Сведения о переводчике / Information about the Translator

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук (спец. 10.02.05), доцент кафедры русского как иностранного, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Anatoli F. Fefelov Candidate of Philological Sciences (French Linguistics), Associate Professor (Russian as a foreign language), Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

bobyrgan@mail.ru

SPIN 6759-3782